

Следственные дела как исторический источник

Эти дела по праву называют сфабрикованными ОГПУ-НКВД. Вероятно, здесь одна из причин отсутствия источниковедческого анализа подобного рода источников. Действительно, зачем обращаться к документу, если уверен в его фальсифицированном содержании, если склонен видеть в нем лишь свидетельство идеологизированной политики государства, направленной против своих сограждан.

До недавнего времени такие следственные дела находились в архивах бывшего КГБ с грифами на обложках: "совершенно секретно" и "хранить вечно". Ныне они передаются в государственные архивы и становятся доступны исследователям. Более того, они и подобные им документы стали издаваться¹.

Аналога анализа подобного рода документов найти трудно. Хотя исследования Р.Пайпса и У.Розенберга показали преемственность в действиях карательного аппарата старой и послереволюционной России. "Сопоставление трех последовательных уголовных кодексов - 1845, 1927 и 1960 гг. - рисует поучительную картину неизменности полицейской психологии в России вне зависимости от природы режима", - пишет Пайпс. Он же заметил, что ВЧК получила более широкие полномочия, чем имели в прошлом департамент полиции и корпус жандармов, а затем карательная машина при Сталине начала повальное уничтожение людей, чего не было никогда². Розенберг, анализируя процесс создания нового государства в 1917 году, пришел к выводу, что "роль большевистского государства в советском обществе по сути представляла радикальное продолжение прошлого, а не революционный разрыв с ним"³.

Действительно, если сопоставить законы империи в разные времена, то нетрудно увидеть их явную преемственность. Впервые в истории российского права политические преступления были выделены из других правонарушений Соборным Уложением 1649 года. Указом

Петра I от 25 сентября 1702 года все судопроизводство по "государеву слову и делу" полностью изымалось из компетенции центральных и местных правительственных органов. Монопольным правом на ведение подобных дел обладала только тайная политическая полиция, тогда - Преображенский приказ. Указ Петра I от 28 апреля 1722 года поощрял доноительство и ужесточал кару за недоношение. Для самого массового вида "политического преступления" - "непристойных слов" о монархе - предусматривалась обязательная смертная казнь⁴. С 80-х годов XIX века департамент полиции и корпус жандармов не подлежали надзору со стороны юридических органов, никакая литература не могла быть напечатана без разрешения цензуры.

Разумеется, легко установить, что советские законодательные акты довели до жестокого абсурда наиболее антидемократические законы и методы проведения следствия по политическим делам. Такие, как упрощение судопроизводства до внесудебного рассмотрения дел политических "тройками", "двойками" и особыми совещаниями без привлечения адвокатов и свидетелей; жестокое обращение с политическими заключенными до применения к ним методов физического воздействия; широкое использование провокаторства и доноительства как свидетельств обвинения. Н.А.Троицкий, исследуя политические судебные процессы над народовольцами (80-е гг. XIX в.), подчеркивал стремление властей ограничить гласность, определить подсудимым высшую меру наказания, отмечал вмешательство царя, губернаторов в характер приговора, работу суда в целях подведения обвинения под заданный приговор⁵.

Большевистское руководство не связывало себе руки никакими законами, избрав произвол, революционное правосознание инструментом карательной политики. Беспредел в действиях кара-

тельных органов, готовность использовать террор для уничтожения целых социальных групп населения, физической ликвидации существующих и потенциальных оппонентов, отсутствие ограничительных законов доводили издевательства над людьми до немыслимых в дореволюционной России действий.

В начале 30-х годов карательная деятельность ОГПУ опиралась на жестокие законы той поры. В их серии - постановление "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности" (7 августа 1932 г.). Особенностью этого закона было применение расстрела или срока заключения в 10 лет с конфискацией всего имущества. Вскоре этот закон был распространен на спекуляцию, саботаж сельскохозяйственных работ, кражу семян и т.д. В конце 1932 года в стране была проведена паспортизация. Колхозники паспортов не получили и оказались прикрепленными к месту жительства. 8 июня 1934 года ЦИК СССР принял постановление, по которому "измена Родине" каралась смертной казнью. Этот закон вводил ответственность семьи, родственников "изменника". Они подлежали тюремному заключению или ссылке на 5 лет. 10 июля 1934 года ЦИК СССР на базе ОГПУ создал в НКВД Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). При нем создавалось Особое совещание, заменившее судебную коллегия ОГПУ. В его состав входили два члена коллегии НКВД и прокурор СССР. Особое совещание имело право применять во внесудебном порядке заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет, а также ссылку или высылку из страны. 1 декабря 1934 года, в день убийства С.М.Кирова, ЦИК и СНК СССР приняли постановление "О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов". Оно обязывало НКВД проводить следствие по этой категории дел в десятидневный срок. Обвинительное заключение подсудимым должно было предъявляться за сутки до рассмотрения дела в суде. Не допускалось участие в судебном процессе обвинения и защиты. Не разрешались кассационное обжалование приговора и ходатайство осужденных о помиловании. Приговор должен был приводиться в исполнение сразу же после его оглашения. 8 апреля 1935 года был при-

нят "закон о детях", по которому, начиная с 12-летнего возраста, на них распространялись все статьи Уголовного кодекса, в том числе и расстрельный приговор. Родственники обязывались доносить друг на друга.

14 сентября 1937 года Президиум Верховного Совета СССР распространил исключительный порядок расследования террористических преступлений, введенный 1 декабря 1934 года, на дела о вредителях и диверсантах. Особые совещания получили неограниченные полномочия.

Наряду с ними действовали "тройки" и "двойки". По предложению генерального прокурора А.Я.Вышинского был отменен прокурорский надзор за законностью в органах НКВД по делам о государственных преступлениях. Тогда же были узаконены все время применявшиеся пытки (методы физического воздействия).

Убийство Кирова знаменовало начало Большого террора в стране ("малый" террор был перманентным). Историки приводят разноречивые цифры расстрелянных, погибших в концлагерях заключенных. По одним данным, в 1921-1953 году было осуждено за "контрреволюцию" 4 060 306 человек, из них расстреляно - 799 455; по другим в 1917-1990 годах осуждено 3 853 400 человек, расстреляно - 827 995⁶. Называются и другие цифры: за четверть века при Сталине репрессировано 21,5 миллиона человек, в ГУЛАГе постоянно находилось не менее 4 миллионов заключенных; в 1927-1938 годах умерло от голода и погибло в местах заключения 7,9 миллионов человек. Кроме того, 2 миллиона человек покинули пределы страны. В 1937 году у подсудимых и арестованных было изъято денег и ценностей на сумму 26,4 миллиона рублей, а на содержание заключенных и ссыльных в том же году НКВД получил 27,2 миллиона рублей. Арестованные, по существу, содержались на изъятые у них ценности и деньги. Смертность заключенных составляла не менее 25 процентов из состава. В 1939 году через лагерь прошли 2 103 тысячи человек, из них погибло не менее 525 тысяч. В 1930 году было создано управление лагерями ОГПУ, с 1931 года ставшее главным (ГУЛАГ). На 1 марта 1940 года ГУЛАГ состоял из 53 лагерей, 425 исправительно-трудовых колоний, 50 колоний несовершеннолетних; всего в них содержалось

1 668 200 заключенных. Активного сопротивления репрессиям в обществе не наблюдалось, хотя только в 1937-1938 годах жертвами репрессий стали 3,5-4 миллиона человек, из них были расстреляны 600-650 тысяч. Безропотно погибло 55 процентов командного и политического состава армии и флота, 20 тысяч чекистов, 500 писателей, тысячи партийно-советских и комсомольских работников, сотни тысяч рабочих, крестьян, интеллигентов, представлявших все народы страны. Они позволяли себя убивать по многим причинам. Многие из тех, кто погиб, до этого сам убивал пулей и словом, "раскулачивал", преследовал инакомыслящих. Аресты таковых воспринимались как справедливость. Причем населению было безразлично, что меняющиеся руководители НКВД (Ягода, Ежов, Берия) уничтожали друг друга сами.

Сводная таблица расстрелов, совершенных по решению судебной "тройки" и ОГПУ-НКВД Татарии, выглядит так:
ноябрь-декабрь 1929 г. - 40 расстрелянных

1930 г. - 317
1931 г. - 251
1932 г. - 16
1933 г. - 29
1934 г. - 0
1935 г. - 0
1937 г. - 2519

23 августа-31 декабря 1938 г. - 627

3799

За 1929-1938 годы во внесудебном порядке чекистские "тройки" Татарии рассмотрели более 20 тысяч дел и приговорили к расстрелу примерно каждого пятого, причем пик смертных приговоров пришелся на вторую половину 1937 года. Из числа осужденных "тройками" около трети - уголовники, остальным вменялись политические обвинения. Основной состав обвиняемых - крестьяне.

В 1937 году в Татарии приговаривали к расстрелу за высказанное сочувствие Троцкому, Тухачевскому или Султан-Галиеву, тех, кто имел царские награды, ранее состоял в небольшевистских партиях, бывших сексотов НКВД за "двурушничество", бывших дворян и офицеров, за искажение фамилии Сталина, за высказанное сомнение в "вечности советской власти" и ее демократичности. В 1938 году характер обвинений изменился: невинных людей стали

расстреливать по подозрению в шпионаже. Разумеется, наряду с этим расстреливали за "антиколхозную и антисоветскую агитацию", сочувствие Франко, за слова: "Перебить надо коммунистов, чтобы не морили крестьян"; "Ввиду репрессий советской власти против моей семьи я ее ненавижу". "Шпионов" обнаруживали по национальности и месту рождения, по разнарядке начальства. Поляки, немцы, финны, латыши и другие арестовывались за "шпионаж" в пользу своей страны. Русские, евреи и татары обвинялись в шпионаже в пользу Румынии, Польши и т.д., поскольку сами или их родители приехали в Татарию из этих стран. Расстрельные списки "за шпионаж" утверждались Ежовым и Вышинским. По разнарядке, как "японский шпион", 14 ноября 1938 года был расстрелян известный татарский писатель Карим Тинчурин. Вместе с ним еще восемь татар-учителей, бухгалтеров, пенсионеров, ничего общего ни с каким шпионажем не имевших.

Осенью 1918 года большевики мечтали сделать красный террор выражением народного гнева. Но добились они "единогласного" одобрения Большого террора в середине 30-х годов, когда собрания трудящихся и большевистская пресса требовали смертной казни тем, кому еще недавно рукоплескали. Сталинисты считали политику массовых чисток правильной, полагая, что накануне войны страна избавилась от "пятой колонны". Антисталинисты виновником Большого террора считали безымянную Систему, для которой "избыточный" террор закономерен. Есть и иная точка зрения, корректирующая последнее утверждение. Из нее следует, что сталинский террор заходил так далеко, что не столько усиливал, сколько ослаблял деспотическую власть, потому существовали различные варианты карательной политики, так называемый "мягкий сталинизм", сторонником которого был, например, Г.К.Орджоникидзе. В доказательство возможности такого развития указывает на то обстоятельство, что последователи Сталина после его смерти не покушались на основы системы, отказались от крайностей государственного терроризма.

Все эти точки зрения некорректны, в том числе и последняя, так как она в определенной степени оправдывает тоталитарную систему с ее преступной (мягкой или жесткой) карательной поли-

тикой. Думаю, что нельзя полагать борьбу с диссидентами при помощи "психушек", ссылок, лагерей более либеральной мерой по сравнению с расстрелами. Слова "хуже", "лучше" для определения преступности режима употреблять вряд ли имеет смысл.

Большой террор был естественен для карательной политики тоталитарного государства. Его главное отличие от красного террора состояло в том, что в 1918 году шла гражданская война и у населения было оружие, чтобы как-то противостоять репрессивному произволу красных и белых властей. В 30-е годы государственный террор со страшной силой обрушился на совершенно беззащитное, обуянное страхом население. Гитлер в те же годы уничтожал ненацистов и "расово неполноценных". Для Сталина никаких ограничений не было - массовый террор не обошел ни один слой населения, ни правящую партию, ни самих карателей.

Время Большого террора со всей очевидностью показало демагогичность и пагубность утверждений, которые любил повторять Троцкий и другие функционеры: "партия всегда права", "народ всегда прав". Отрицание большевиками общечеловеческой морали привело их к поддержке сталинских преступлений и собственного убийства. Борьба за выживание сделала людей агрессивными, нетерпимыми, завистливыми и жестокими. Народ повинен в том, что не защитил себя, что позволил вовлечь себя в преступные деяния режима, одобрил их, стал жертвой и социальной базой левого экстремизма. Большевикам удалось эффективно замаскировать сущность тоталитаризма. Миллионы людей оказались втянутыми в уничтожение имущих и "врагов народа". Те, кто был ничем, получив обещание "стать всем", возвели в абсолют силовые методы "убеждения" и подчинения. Победоносный для большевиков исход гражданской войны в России привел их к Большому террору 30-х, к убежденности в правоте произвола, безнаказанности за уничтожение своих беззащитных граждан.

Жестокие законы, их произвольное толкование, взнузданное страхом мнение, малограмотность следователей⁷ и других сотрудников силовых органов делали протоколы допросов типовыми. Все они были сориентированы на обвинение арестованных в "террористической",

"националистической" или "шпионской" деятельности. В них, как правило, отсутствовали вещественные доказательства "преступления", арестованного осуждали на основе его "собственных признаний", доносов и оговоров.

Следственные дела на обвиненных по политическим мотивам в 30-е годы (статья 58-10 УК РСФСР) многотомны. В них протоколы допросов, ордера на арест и обыск в квартирах, материалы очных ставок, заявления, "признания" обвиненных, доносы и "откровения" свидетелей, приговоры, во многих - справки о приведении расстрельного приговора в исполнение. Когда речь касалась видных общественных деятелей (в Татарстане, например, писателя Г.Ибрагимова, историка Х.Атласова и др.), к следственным томам прилагалось "наблюдательное дело", составленное из донесений сексотов, завербованных НКВД людей из близкого окружения подозреваемого и т.д. В связи с реабилитацией жертв политических репрессий составлялся отдельный том документов, как правило, документально показывающий отсутствие какого-либо состава преступлений. Сравнение следственного (обвинительного) дела и реабилитационного тома документов свидетельствуют, насколько произвольно, без каких-либо доказательств решалась судьба миллионов граждан в 30-е годы. И как кропотливо, документально обоснованно, часто годами шел процесс возвращения их памяти или права на жизнь. Следствие с приговором о расстреле часто завершалось в течение недель и месяцев, реабилитация осуществлялась намного дольше.

Следователи 30-х годов в проведении расследования опирались на свой чекистский опыт, стремясь любой ценой выполнить указание начальства на произвол внесудебного приговора. А.Орлов, бывший сотрудник НКВД, бежавший из СССР, позже рассказывал о том, как Сталин дал указание начальнику экономического управления НКВД Прокофьеву в 1931 году "навалиться" на арестованных Суханова, Громана, Шера и других, обвиненных в меньшевизме, с тем, чтобы они сознались в связи с генеральными штабами иностранных государств. Он же указал на случай, когда следователь Кедров обвинял профессора-историка в том, что тот будто бы хотел проглотить огромную чернильницу, стоявшую у него на столе⁸.

Анализ следственных дел показывает, что расстрельный приговор не зависел от того, признавал ли обвиняемый инкриминируемые ему "преступные действия". А.В.Свечин, бывший генерал Генерального штаба царской армии, командир Красной Армии, профессор Академии Генштаба РККА категорически отверг все показания против себя, выбитые из его коллег, не признал себя виновным во время закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии и был приговорен к расстрелу 29 июля 1938 года. Ему было вменено участие в вымышленной НКВД монархической организации бывших офицеров. 8 сентября 1956 года Свечин был реабилитирован⁹.

Многие обвиняемые сообщали, что протоколы допросов были следователями фальсифицированы. Ректор Белорусского университета, профессор-историк В.И.Пичета был арестован в 1929 году, когда фабриковалось так называемое "Академическое дело" против историков. В письме академику М.Н.Покровскому 12 ноября 1931 года он сообщал, что находится в ссылке, в Вятске и просил о помощи. Он писал о том, как велось следствие: "Когда меня допрашивали, мне возвращали мои показания для замены одних слов другими, - не в мою пользу. Меня заставляли изменять мои выводы из моих показаний. Мне указывали, в каком стиле и тоне я должен был давать свои показания. Я должен был создавать показания, ибо отказ, говорили мне, не в мою пользу. Мне читали показания Любавского, сообщали отдельные факты и заставляли вносить в мои показания. Меня заставили признать себя участником организации, о которой я не имел никакого понятия, - я подписал все, что было написано следователем. Так нельзя вести следствие! Это подделка... Я не мог протестовать перед ними, ибо они меня засудили бы"¹⁰.

О методике фальсификации протоколов допроса и незаконных приемах ведения следствия и судебного расследования Е.С.Гинзбург писала в письмах на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ворошилова (9 мая 1953 г.) и военного прокурора Главной военной прокуратуры полковника юстиции Васильева (12 февраля 1954 г.). Писала из Магадана, просила о реабилитации (оба письма-подлинника хранятся в делах и публикуются). Но вначале, для

того, чтобы была яснее суть дела, несколько цитат из документов той поры.

Из обвинительного заключения Гинзбург, сочиненного казанскими следователями 5 июня 1937 года: "Допрошенная в качестве обвиняемой Гинзбург Е.С. признала себя виновной в близких связях с троцкистами, но в остальном изобличается показаниями свидетелей и очными ставками". Она обвинялась в том, что "является участницей контрреволюционной троцкистской группы в редакции газеты "Красная Татария", вела троцкистскую работу совместно с троцкистами: Эльзовым, Винтайкиным и др. и тем самым оказывала пособничество контрреволюционной троцкистской организации, совершившей убийство С.М.Кирова и подготавливавшей новые террористические акты против руководителей партии и Советского государства, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.58-8 и 58-11 УК РСФСР с применением закона от 1 декабря 1934 года". Дело Гинзбург было направлено на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР.

Формулировки обвинения Гинзбург в то время были трафаретными. В них изменялись лишь фамилии осуждаемых...

Из протокола закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР в Москве 1 августа 1937 года: виновной себя не признавала, в контрреволюционной организации не состояла и о существовании ее ей известно не было. Приговор: "Гинзбург Евгению Соломоновну подвергнуть тюремному заключению сроком на десять лет, с поражением политических прав сроком на пять лет с конфискацией всего лично ей принадлежащего имущества. Срок отбытия наказания с зачетом предварительного заключения считать с 16 февраля 1937 г. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит".

Из письма Гинзбург Ворошилову: "Заседание Военной коллегии Верховного суда (1 августа 1937 г.) по разбору моего дела длилось шесть минут, включая сюда и опрос, и чтение длинного текста приговора. Мои судьи настолько торопились, что ни на один мой вопрос, ни на одно мое заявление ответа мне не дали. Что касается предварительного следствия, то здесь применяли такие приемы, как запрещение спать в течение 8-ми суток, нецензурная брань, угрозы и т.д."

Из письма Гинзбург Васильеву: "Прежде всего я хочу подчеркнуть, что я никогда не признавала себя виновной в предъявлявшихся мне обвинениях. Однако, в тексте приговора... была такая формулировка: "Допрошенная в качестве обвиняемой Гинзбург признала себя виновной в связях с троцкистами, а в остальном уличается показаниями свидетелей и очными ставками". По этому вопросу я хочу дать Вам следующие разъяснения: а) о "признании" т.н. связей с троцкистами. Это - чистейшая фальсификация, которой следователь Бикчентаев добивался таким нехитрым способом: он задавал мне вопрос - "С какого года Вы знаете профессора Эльвова?", на что я отвечала, что знаю его с 1932 г. (я не могла не знать человека, работавшего со мной в одном учреждении). Я подписывала протокол о том, что знаю с 32 года профессора Эльвова, а потом мне вдруг показывают его в переписанном виде, где уже вопрос стоял так: "С какого года Вы знаете троцкиста Эльвова?". И мой простой, правдивый ответ, что я знаю этого человека по совместной работе в одном учреждении, приобретал уже иное звучание, желательное моим необъективным следователям".

Из письма Ворошилову: "Нелепость статьи "террор" (пункт 8) так ясна даже при самом поверхностном знакомстве с делом, что ее не приходится и опровергать. Когда я в 1937 году спросила председателя суда - в убийстве какого политического деятеля я обвиняюсь, он ответил мне сложным и странным силлогизмом. Дескать, троцкисты убили Кирова в Ленинграде, вы не боролись с Эльвовым в Казани - следовательно, вы и должны рассматриваться как террористка. В качестве материала для 11-го пункта в моем обвинительном акте перечислен ряд фамилий людей, многие из которых были мне даже незнакомы. Не познакомилась я с ними и на суде, где кроме меня и судей никто не присутствовал".

О неправильных, недостойных юриспруденции, безграмотных действиях следователей писала Гинзбург и в письме сестре Наталье Соломоновне 24 ав-

густа 1954 года в Ленинград (письмо сестра прислала военному прокурору Приволжского военного округа, где готовился материал для реабилитации Гинзбург, как еще одно свидетельство ее невиновности, и потому оно хранится в делах). Гинзбург отмечала в письме, что следователь все время старался ее в чем-нибудь уличить: то в том, что она своими разговорами дискредитировала секретаря Татарского ОК ВКП(б) М.Разумова, но после его ареста в Иркутске следователь заявил, что "я и мой муж были друзьями "японского шпиона" Разумова". Сначала обвиняли во враждебном отношении к национальной политике, затем, наоборот, в том, что, стремясь "создать беспринципный антипартийный блок с местными националистами", выучила татарский язык. Следователь хотел представить Гинзбург в тесной связи с профессором Н.Н.Эльвовым, который тогда был арестован, при обыске в столе профессора нашли шутивную записку, где тот писал, что своим поведением Гинзбург напоминает ему Анну Каренину. "Следователь Бикчентаев, - писала Гинзбург в письме к сестре, - ничуть не боясь насмешить окрестных кур, записал в протоколе допроса: "Следствию известно, что Ваша подпольная кличка была Каренина. Подтверждаете ли Вы это?" Так трагическое переплеталось со смешным на этой кухне дьявола"¹¹.

Ныне известны методы вышибания "нужных признаний" из подследственных в ту пору: пытки, шантаж, угроза жизни близким и т.д. Примеров тому не счесть. Они описаны во многих воспоминаниях, книгах, статьях. В протоколах следственных дел о них нет упоминаний. В них нет документов, хоть как-то подтверждающих "признания". Документы в реабилитационном приложении, где доказывается отсутствие состава преступления.

Следственные дела времени Большого террора - исторический источник российского тоталитаризма, свидетельство его беспощадности, тупой жестокости, отсутствия признания им каких-либо прав человека и человечности.

1. См.: Академическое дело 1929-1931 гг. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. Вып.1.- СПб., 1933; Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А.Солженицыне.- М., 1994; Два следственных дела Евгении Гинзбург.- Казань, 1994 и др.

2. Пайпс Р. Россия при старом режиме. - М., 1993. - С.383, 414.

3. Розенберг У. Создание нового государства в 1917 г.: представления и действительность. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. - СПб., 1994. - С.97.

4. Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. - М., 1957. - С.105, 208; Покровский Н.Н. Законодательные источники петровского времени о "слове и деле государевом". // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. - Новосибирск, 1989. - С.78, 80, 95.

5. Троицкий Н.А. "Народная воля" перед царским судом. - Саратов, 1971. - С.35.

6. Земсков В. Политические репрессии в СССР (1917- 1990 гг.) // Россия XXI. - М., 1994, N 1-2. - С.110, 121.

7. В 1932 г. в районном звене органов юстиции по меньшей мере 60 процентов сотрудников вовсе не имели правового образования, с высшим юридическим образованием было лишь 5,4 процента // 30-е годы. Взгляд из сегодня. - М., 1990. - С.48.

8. Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. - М., 1991. - С.85, 91.

9. ЦА ФСР РФ. Д.1657.

10. РЦХИДНИ. Ф.147.Оп.2.Д.11.Л.15

11. Два следственных дела Евгении Гинзбург. - Казань, 1994. - С.90-91, 95-96, 114.

Алексей Литвин,
доктор исторических наук